

Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2. //Художожественной
литературы, Москва, 1988
FB2: , 24 April 2008, version 1.0
UUID: ef20f0fc-7fab-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Благотворительная комедия

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0011
III.....	.0029
IV.....	.0040

**Константин Михайлович
Станюкович
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
КОМЕДИЯ**

Заседание «Общества для пособия истинно бедным и нравственным людям» было назначено ровно в два часа в квартире члена общества, Елены Николаевны Красногор-Ряжской.

Елена Николаевна сама присмотрела, как в залу внесли большой стол, накрыли его зеленым сукном и вокруг расставили кресла. Затем она принесла из своего кабинета маленькую изящную чернильницу и крохотный звонок с бронзовым амуром для председательницы и собственноручно разбросала по столу чистенькие экземпляры отчета, листки почтовой бумаги и очиненные фаберовские карандаши. Окончив эти занятия, Елена Николаевна окинула довольным взглядом стол и подошла к зеркалу посмотреть на себя. Зеркало без малейшей лести показало ей хорошенькую молодую женщину в черном фая, гладко обливавшем стройный стан. Темные локоны, спускавшиеся к плечам, оттеняли матовую белизну личика с тонкими чертами, чуть-чуть поднятым носиком и парой карих

улыбающихся глазок. Веселое выражение Э 1 очень шло к этой подвижной физиономии. Елена Николаевна осталась довольна номером первым и сделала мину Э 2, мечтательно-задумчивую. Глаза перестали улыбаться и глядели куда-то вдаль через зеркало, розовые, не без знакомства с кармином, губки сжались в нитку, белый высокий лоб подернулся морщинками.

Елена Николаевна нашла, что и Э 2-й был недурен. Она собиралась было перейти к Э 3-му, как из прихожей мягко звякнул звонок. Елена Николаевна отпорхнула от зеркала с легкостью ласточки и, опустившись на угловой диванчик, стала внимательно штудировать изящную брошюрку полугодового отчета, посматривая, однако, одним глазком по-выше страниц.

Знакомые шаги медленной, уверенной походки заставили Елену Николаевну сделать гримасу Э 5, более знакомую супругу, чем публике, отложить брошюру в сторону и бросить недовольный взгляд на проходившего мужа, бледного, серьезного, пожилого господина лет сорока с хвостиком.

– Опять? – тихо процедил он сквозь зубы, кисло улыбаясь и косясь на стол.

– Что опять?

– Говорильню устраиваете?

Карие глазки сощурились, лицо подернулось выражением Э 4, снисходительного презрения, и тихий, не без иронической нотки голос проговорил:

– Ты, Никс, верно, опять не в духе... Что твоя печень?

Муж на ходу полуобернулся, взглянул на жену серыми, полинявшими от департаментского воздуха глазами таким взглядом, в котором всякая другая женщина, кроме жены, легко прочитала бы «дуру», и, не соблаговолив комментировать своего взгляда, той же медленной, уверенной походкой прошел в кабинет.

– Моя печень? – повторил он вслух. – Моя печень! Очень нужна ей моя печень!

Он присел к столу, придвинул к себе бумаги, взял своими длинными, прямыми пальцами такой же длинный, прямой карандаш и стал читать.

«Удивительно стала беспокоить ее моя пе-

чень!» – пронеслось в голове его превосходительства в последний раз, и он углубился в бумаги.

Надо полагать, что Елена Николаевна была права, выказывая заботливое участие к печени своего мужа, так как лежавший перед ним доклад подвергался таким пометкам, а надписи, восклицательные и вопросительные знаки ставились им в таком изобилии, точно перед господином Красногор-Ряжским лежал не доклад о «строптивном столоначальнике», а манускрипт русского литератора.

«Строптивный столоначальник», позволивший себе в соборе губернского города N подойти к кресту раньше другого, старшего чиновника, и не уступивший места, несмотря на сделанное ему по сему предмету предложение, в докладе, составленном на основании местных донесений, являлся лишь в образе «строптивного» столоначальника, за что господин докладчик и «полагал бы» уволить столоначальника от службы, с тем чтобы впредь его никуда не принимать. Но под бойкими литерами карандаша его превосходительства «строптивный столоначальник» ма-

ло-помалу терял строптивость за счет неблагонамеренности и начал постепенно принимать образ, более похожий на провинциального Мазаниелло, чем на удрученного семейством, солидного, хотя и «строптивного столоначальника».

Карандаш резво шалил по докладу, вычерчивая сбоку краткие сентенции, вроде «для примера прочим», «снисхождение, как учит нас опыт, не всегда приносит плоды», «важен не самый факт, а подкладка его» и тому подобное. В заключение длинный, прямой и уже притупленный карандаш «в свою очередь полагал бы» строптивного столоначальника...

На этом карандаш замер в руке его превосходительства.

Господин Красногор-Ряжский послал ко всем чертям «строптивного столоначальника», с сердцем отодвинул бумаги и стал прислушиваться. Из соседней комнаты долетали слабые звуки голоса... Его превосходительство поморщился, встал, подошел к дверям и тихонько их приотворил...

В его ушах ясно раздавался ненавистный

голос «долговязого» секретаря, рассказывавшего нежным тенором *di grazia* [1] трогательную повесть о посещении первого участка истинно бедных и нравственных людей. Голос его то возвышался до негодующих нот, то замирал, то переходил в тихое журчанье...

– Каналья! Как он поет этим дурам! – прошептал господин Красногор-Ряжский, и его желтое лицо перекосилось в злую усмешку.

Господину Красногор-Ряжскому с чего-то вообразилось, будто пара прелестных глаз Елены Николаевны непременно должна в эту самую минуту смотреть на оратора с выражением Э 1. Как бы он желал удостовериться и незаметно посмотреть! Но это было невозможно, неприлично. Он с сердцем затворил двери и заходил по кабинету. «То-то стала нужна ей моя печень!» – проносилось у него в голове, и вслед за тем перед глазами его превосходительства мелькали такие нумера взглядов супруги, которые часто останавливались на многих молодых людях и только раз в месяц на нем самом, именно двадцатого числа, когда господин Красногор-Ряжский выдавал Елене Николаевне деньги на домашние

и личные ее расходы.

Он наконец присел к столу, взял снова карандаш и стал проделывать с бедным строптивым столоначальником такие ужасные комбинации, после которых, казалось, строптивость должна была вовсе исчезнуть из обращения в том ведомстве, где служили господин Красногор-Ряжский и строптивый чиновник.

— **И** главное, отрадно то, милостивые государины, — говорил между тем секретарь «Общества для пособия истинно бедным и нравственным людям», высокий (но вовсе не «долговязый») молодой человек с вкрадчивыми голубыми глазами и светлыми волосами, — отрадно то, что факты свидетельствуют о плодотворной деятельности нашего, едва окрепшего младенца-общества. Пусть скептики указывают на узкие будто бы рамки нашей деятельности, но я смею, милостивые государины, надеяться, что дешевый скептицизм не смутит нашей энергии. (Разумеется! Разумеется!) Если мы поможем хотя десяти истинно бедным и нравственным людям, возвратив обществу действительно полезных его членов, то мы сделаем, милостивые государины, действительную услугу и обществу и возвращенным в него членам, хотя, конечно, не в состоянии будем хвалиться тем обилием вспомоществований, которым щеголяют отчеты общества «Утоли моя нужды»... (Очень хорошо!)

Секретарь сделал паузу, встряхнул головой, словно бы желая сбросить с нее какую-то тяжесть, поискал подбородком, на своем месте белоснежные воротнички рубашки, взглянул на Елену Николаевну и на всех «милостивых государынь», внимательно вперивших взоры в оратора, откинулся назад, потом подался вперед, сделал тот известный жест (протягивания руки вперед и несколько кверху, ближе к небу), которым артисты Александринского театра обыкновенно предупреждают публику о патетическом монологе, и быстро разразился следующей тирадой:

– Милостивые государыни! Благодаря самоотвержению, с которым вы, часто с опасностью жизни... да, я могу сказать это: с опасностью жизни, идете навстречу людским страданиям, и с гуманностью, отличающей наш век, не гнушаетесь снять перчатку, чтобы подать руку помощи нравственности, готовой поскользнуться, наши дружные усилия дали блестящие результаты, и мы вправе сказать себе в глубине сердца, указывая на тех лиц, которые вырваны нашими усилиями из бездны нищеты и порока: наше семя не пало на

каменистую почву. Голодные накормлены, сырые прижены, несчастные утешены. Какая награда может быть выше этого?! – заключил речь секретарь, опускаясь на кресло и робко опуская глаза на им же составленный полугодовой отчет, под бременем скромного сознания торжества.

Все до одной «милостивых государынь» – а их было тридцать – выразили самую горячую благодарность оратору за его «прочувствованную» речь. Раздались рукоплескания, многие говорили: «Как хорошо!», другие шептали: «Прелестно». Только Елена Николаевна ни слова не сказала, но зато наградила оратора (когда он уже оправился от смущения и поднял голубые глаза на «милостивых государынь») таким быстрым, но теплым взглядом, который придал ее лицу выражение несравненно мягче известного мужу под номером один.

Что мог сделать секретарь?

Он мог только встать, приложить обе руки («Какие прелестные руки», – шепнула какая-то «милостивая государыня» на конце стола, обращаясь к соседке) к борту фрака и

раскланяться с тою же грацией, с которою раскланиваются оперные певцы. Он это и сделал, и только минуты через две заседание могло продолжаться.

Василий Александрович (так звали секретаря) снова принимает строго деловой вид и почтительно просит у председательницы, почтенной женщины с крупными седыми буклями и крупными глазами, позволение, согласно программе заседания, прочесть список лиц, получивших в прошлом месяце пособия. Седые букли несколько наклоняются вперед, что, без сомнения, означает согласие. Василий Александрович встает и читает:

– «Список лиц, получивших в декабре 187* года пособия от „Общества для пособия истинно бедным и нравственным людям“:

Вдова майора Василиса Никифоровна Дементьева согласно протокола от пятнадцатого марта, за номером тысяча двести пятьдесят четыре, ежемесячного вспомоществования пять рублей...»

– Это у которой муж был изрублен на Кавказе? – спрашивает громким голосом адмиральша Троекурова.

– Нет, – отвечает тихим голосом графиня Долгова. – Эта та самая бедняжка, у которой муж погиб в Днепре... Он бросился с обрыва спасать ребенка и утонул... Несчастливая женщина передавала мне все эти ужасные подробности.

– Или я забыла, но мне кажется, что бедная мне говорила, как черкесы изрубили ее мужа и он погиб под шашками... Впрочем...

Адмиральша умолкла и вопросительно взглянула на Василия Александровича.

– Эта та несчастная женщина, милостивые государины, которая потеряла своего мужа, храброго русскою офицера, в Кокане... Сперва он был ранен, потом взят в плен и там казнен ужасной смертью. Бедная женщина до сих пор не может прийти в себя, и когда рассказывает, то с ней делается истерика... Ужасная казнь!

И адмиральша и молодая графиня делают глаза, но, боясь ошибиться (так много ведь вдов в Петербурге, у которых мужья погибают особенным образом), не роняют ни слова, к благополучию майорши Дементьевой, более известной в распивочной на углу Зелениной

улицы, что на Петербургской, под именем «сороки-воровки».

Секретарь продолжает:

– «Жена коллежского секретаря Мария Валерьяновна... – Василий Александрович как будто конфузится и еле слышно оканчивает: – Потелова... получила в ежемесячное пособие два рубля.

Мещанка Дарья Осипова единовременно пособия один рубль семьдесят пять копеек».

– Она такая славная, эта Дарья! – замечает графиня Долгова... – Я у нее была... Вообразите, – обращается графиня к председательнице, – трое детей... такие хорошенькие, но, боже, в каком виде!.. Ни сапожек, ни белья, ни платиц...

Сидевшая рядом другая «милостивая государыня», молодая белокурая девица, с английской складкой и серьезным лицом, тихо покачивает головой и, несколько конфузясь, говорит:

– Книга Манасеиной советует иметь по крайней мере двенадцать дюжин пеленок, в противном случае...

– Но тут, вы представьте, – перебивает ее графиня, – ни одной...

– Ни одной?

– Ни одной!

Все повторяют: «Ни одной!», все качают головами, все соболезнуют, все выражают такое искреннее участие к трем детям Дарьи Осиповой, что если бы его можно было употребить вместо пеленок, то их хватило бы не только для трех детей, но даже еще человек на пять, только бы Дарья Осипова продолжала не стесняться в увеличении народонаселения.

– Мне кажется, – опять конфузится почему-то девица с английской складкой, – следовало бы прибавить этой женщине...

– Я буду иметь честь предложить вашему вниманию, милостивые государыни, смету пособий на январь, и размер вспомоществования Дарьи Осиповой будет зависеть от усмотрения собрания...

Белокурая девица с английской складкой, пропагандировавшая книгу госпожи Манасиной, конфузится еще более. В деловом ответе любезного секретаря ей слышится личное невнимание. Она опускает свои голубые гла-

за на полугодовой отчет и начинает его пере-
листывать с некоторым раздражением за
«бедную Дарью Осипову», у которой трое де-
тей и ни одной пеленки...

– «Евдокия Багрова, новгородская кре-
стьянка. По болезни принуждена была оста-
вить место. Ввиду ее болезни и самых лучших
рекомендаций ей выдано три рубля».

– Это я отыскала бедняжку! – не без скром-
ного чувства удовольствия от такой находки
замечает Елена Николаевна. – Она была у вас,
Василий Александрович?

– Была. Очень симпатичная девушка! – от-
вечает секретарь.

– Бедняжка обварила себе руку, – продол-
жает Елена Николаевна, обращаясь ко всем
«милостивым государыням», и принуждена
была оставить место. В больницу идти боя-
лась; она такая робкая, скромная, приветли-
вая и вообще не похожа на нашу прислугу.

Все «милостивые государыни» замечают,
что нынче почти невозможно достать хоро-
шую прислугу (адмиральша выразилась даже
гораздо энергичнее), и все так или иначе, го-
лосом или взглядом, движением рук или

плеч, выражают участие «к бедняжке», обва-
рившей руку и непохожей «на нашу прислу-
гу».

Одна только белокурая девица с англий-
ской складкой оказалась бессердечной и ни-
чем не выразила участия к «бедняжке», обва-
рившей руку. Мало того девица почувствова-
ла даже некоторую неприязнь к этой «бед-
няжке» за другую «бедняжку» – Дарью Осипо-
ву, у которой трое детей и ни одной пеленки.
Хотя белокурая девица не видала ни той, ни
другой «бедняжки», но она взяла под особое
свое покровительство Дарью Осипову (отча-
сти в пику секретарю и Елене Николаевне) и
находила большой несправедливостью, что
за обожженную руку выдали три рубля, а за
троих детей без пеленок только один рубль
семьдесят пять копеек.

«Это несправедливо!» – подумала девица,
краснея до ушей от такой несправедливости
и досады на Елену Николаевну и секретаря.

Василий Александрович тем не менее про-
должал чтение списка и заключил его,
несколько возвысив голос:

– Итого в декабре месяце выдано пособий в

количестве девяноста восьми рублей тридцати двух с половиною копеек двадцати трем истинно бедным и нравственным лицам обоего пола.

Вслед за тем Василий Александрович начал читать, без всяких перерывов и более или менее патетических отступлений, прозаическую месячную ведомость расходов Общества. В нежных ушах «милостивых государынь» быстро, обгоняя друг друга, проносились многочисленные статьи под наименованием бланок, канцелярских расходов, найма помещения для прихода истинно бедных и нравственных людей, отопления и освещения, жалованья помощнику секретаря (секретарь, разумеется, приносил себя в жертву бескорыстно), двум писцам и сторожу, разъездных для справок, ремонта мебели, непредвиденных, случайных и экстраординарных расходов, и шум в ушах прекратился только тогда, когда секретарь, перечислив все означенные статьи и соответствующие им цифры, заключил, снова несколько возвысив голос:

– Итого двести тридцать девять рублей сорок четыре с половиною копейки, а вместе с

выданными пособиями триста тридцать семь рублей семьдесят восемь копеек. Мне остается прибавить, милостивые государыни, что в будущем месяце расходы наши сократятся, вследствие возможности приискать сторожа на меньшее жалованье!

Василий Александрович сел и передал ведомости почтенной даме в буклях. Ведомости были переписаны превосходным почерком, а цифры стояли одна под другой в таком красивом порядке, в котором могут стоять только солдаты на параде. Дама в буклях посмотрела на английский почерк пяти дам комитета, подписавших ведомости, и на энергическую закорючку в росчерке секретаря (он же и казначей) и передала ведомости следующей за ней даме. Та в свою очередь полюбовалась английским почерком пяти дам, между которыми, между прочим, была подпись и самой любовавшейся, и закорючкой в фамилии секретаря и передала ведомости следующей даме. Следующая дама сделала то же самое, и таким образом все до одной «милостивые государыни» полюбовались ведомостями, после чего они снова лежали перед Василием Алек-

сандровичем.

Пока ведомости гуляли между «милостивыми государынями», Елена Николаевна успела сделать три нумера выражений, графиня Долгова успела поймать их и сообщить соседке свои подозрения насчет кокетства Красногор-Ряжской с секретарем, соседка успела сочинить на ухо следующей соседке целую сплетню, в которой и графиня Долгова была замешана в качестве соперницы Елены Николаевны; белокурая девица успела убедить адмиральшу Троекурову в необходимости двенадцати дюжин пеленок и в несправедливости относительно Дарьи Осиповой, а адмиральша в свою очередь успела убедить белокурую девицу в невозможности иметь хорошую прислугу, и только когда Василий Александрович снова встал во весь рост и показал перед благотворительницами двойника Аполлона Бельведерского, только тогда прекратился дамский змеиный шепот и глаза устремились на Аполлонова двойника.

– Вы заметили?.. – оканчивала между тем молодая графиня новую комбинацию на ухо соседки... – Тсс... Будем слушать!..

– Милостивые государыни! В программе сегодняшнего заседания стоят несколько вопросов. Угодно ли будет позволить приступить к ним? – обращается Василий Александрович к почтенной даме с буклями, наклоня голову ровно настолько, насколько следует солидному молодому человеку, подающему надежды.

Дама снова тряхнула буклями и прибавила, обращаясь к собранию, что она просит собрание позволить. Собрание позволяет без малейшей запинки. Дама с буклями снова трясет ими и говорит: «Начинайте, Василий Александрович!» – после чего седые ее букли, висящие по бокам круглого и пухлого лица, еще шевелятся несколько мгновений, но потом останавливаются неподвижно, словно часовые перед генералом.

Секретарь читает:

– Ввиду нескольких, впрочем немногочисленных, случаев оказания помощи лицам, далеко не отвечающим требованиям устава помогать истинно бедным и нравственным людям, не сочтут ли милостивые государыни уместным собирать самые тщательные

справки о лицах, обращающихся к помощи общества без рекомендации почтенных его членов?

Многие сочли уместным, но вслед за тем возник вопрос: как собирать справки?

Начались прения.

Первой заговорила девица с английской складкой. Она привстала, вытянулась во всю длину своего высокого роста и покраснела, как может покраснеть белокурая девица с добрым сердцем, двадцатью восемью годами и некрасивым лицом, которое, впрочем, очень близкие друзья ее находили, конечно, симпатичным. (Заметьте: если женщина некрасива, то она всегда бывает или «необыкновенно симпатична», или «необыкновенно умна».)

Несколько заикаясь, точно в тонком горле ее еще сидела бедная Дарья Осипова с тремя детьми, она находила, что справки едва ли приведут к чему-нибудь, и предлагала главнейшим образом основываться на первом впечатлении.

– Первое впечатление... первое впечатление, – заключила несколько дрожащим голо-

сом девица с добрым сердцем, – редко обманывает, почти никогда не обманывает.

Она снова вспыхнула и села под картечью взглядов двадцати девяти «милостивых государынь», не пропустивших ни одного прыщика на лице белокурой девицы и подумавших ехидно, что, вероятно, все мужчины судили «симпатичную» девушку по первому впечатлению, иначе давно бы ей быть замужем.

Елена Николаевна Красногор-Ряжская «позволила себе не согласиться с уважаемой Евгенией Петровной».

– Исходя из принципа, – говорила она, уверенно делая ударение на «принципе» и окидывая собрание выражением Э 6 (строго-деловым), – что общество обязано помогать только истинно бедным и нравственным людям, на первое впечатление полагаться нельзя. Оно может обмануть в ту или другую сторону. («Однако же как хорошо это у меня выходит!» – промелькнуло у нее в головке почти одновременно с чувством зависти, сжавшим сердце графини Долговой.) Возможны случаи помощи недостойным, равно как (ей очень понравилось это «равно как») случаи отказа

достойным. В принципе она стоит за справки, хоть и понимает «сопряженные с ними трудности».

Василий Александрович взглянул на Елену Николаевну очарованным взглядом, быстро опуская глаза под встречным взглядом оратора, как бы желая скрыть в глубине души волновавшие его чувства. Тем не менее они поняли друг друга, хоть и не смотрели один на другого. Елена Николаевна подумала: «Какой он милый, этот Петровский!» – а Василий Александрович подумал: «Подую я тебя, дуру, будь спокойна!»

Графиня Долгова крепко потерла тонким батистовым платком свои румяные губки, как бы в доказательство, что продаются такие румяны, которые не стираются, и в свою очередь «отдавая справедливость благородству намерений своего друга – Елены Николаевны» (оба друга шлют друг другу нежные взгляды, удивляясь лицемерию друг друга), тем не менее должна заметить, что по ее «скромному» мнению («Хороша скромница!» – думает Елена Николаевна, припоминая целый десяток мужских имен) ни «первые

впечатления», ни справки не приведут к желанному результату.

– Самое лучшее, – заключила хорошенькая графиня с нестираемыми румянами, – попросить нуждающегося рассказать свою историю, одним словом une confession [2]... На основании этого и судить...

– Исповедь иногда так трудна, графиня! – смиренно возражает Елена Николаевна своему другу.

– Отчего ж?.. Если сделать ее с открытым сердцем... Мне кажется, она только облегчит душу, chere Helene [3]... Право!.. Мы, женщины, должны знать это!

Обе, сказавши по пакости друг другу, умолкли. Стали говорить другие «милостивые государыни». Баронесса Шпек стояла за справки у соседей. Генеральша Быстрая стояла за справки в полиции. «Там все должны знать!» Адмиральша Троекурова предлагала решать дело по происхождению. «Благородные всегда достойней!» – выпалила она баритоном с резкостью морской волчицы.

Стали вопрос голосовать. Но во время голосования несколько «милостивых государынь»

непрерывно хотели говорить в один и тот же момент, и поднялся такой шум, что снова затряслись седые букли, председательница позвонила, объяснила, что прения закончены, и снова букли покачались-покачались и остановились на своем месте.

Большинство голосов высказалось за справки у соседей, а в случае недостаточности и в полиции.

Затем Василий Александрович хотел было приступить к чтению второго вопроса, как из передней донеслись чьи-то голоса. Слышно было, как чей-то голос говорил «нельзя», но другой протестовал. Елена Николаевна взглянула на секретаря. Тот попросил позволения у Елены Николаевны узнать, не пришли ли по ошибке сюда просители, но едва он хотел встать, как в залу вошел пожилой, скверно одетый человек, ведя за руку, словно на буксире, оборванного мальчугана.

Вошедший нисколько не сконфузился при виде такого блестящего дамского собрания и поспешил только утереть нос своему мальчугану, любовно оправить его истасканное тоненькое пальтишко, мешковато сидевшее на худеньком маленьком теле, и снять с шеи несколько раз обмотанный вокруг ее красный шарф. Когда он сделал все это, то вывел мальчугана вперед с таким торжественным видом, точно он привел перед собрание благодетельных фей маленького королевича, принужденного только до времени скрываться в плохом костюме, зябнуть при двадцатиградусном морозе, питаться черт знает чем и ночевать где пошлет бог.

Сам попечитель этого мальчугана ничем особенным не отличался от тех нищих в истертых порыжелых хламидах, когда-то бывших пальмерстонами [4] или альмавивами [5] (трудно разобрать) «капитанов» и «чиновников», которые пугают дам в уединенных улицах и сиплым басом, и бледно-зелеными, припухлыми лицами, и блестящим пронзи-

тельным взором глаз, выглядывающих из глубины темных ям не то с угрозой, не то с таким выражением страдания, что долго после встречи эти глаза мерещатся и не дают спокойно заснуть.

Вошедший был стар, сед, старался глядеть на этот раз приветливо, хотя все-таки походил на волка, нечаянно из леса попавшего в людское общество. Он потер грязными руками шею, будто отыскивая, куда девался его галстух, и оставался в положении сфинкса, в ожидании того времени, когда ему придется заговорить.

Мальчуган лет девяти, очевидно, не желал чести быть непременно впереди. Он пятился назад и успокоился только тогда, когда приблизился к ногам своего товарища и почувствовал, как знакомая вздрагивавшая рука ласково гладила его косматую, плохо знакомую с гребенкой голову.

Появление этой странной пары, как кажется, не входило в программу заседания «Общества истинно бедных и нравственных людей», вследствие чего не только все «милостивые государыни», но и единственный «милостивый государь», не присутствовали.

«стивый государь» были в первую минуту озадачены и смотрели на появившихся гостей глазами, в которых было много изумления, брезгливости, испуга, но очень мало теплоты и участия. Эти чувства вызывал главным образом, конечно, странный старик, лицо которого хоть и старалось быть приветливым, но все-таки не внушало большого расположения; особенно его глубоко засевшие глаза, смотревшие на «милостивых государынь» с какой-то блуждающей улыбкой, производили неприятное впечатление: не было в них того смиренно-льстивого выражения, которое так хорошо знакомо и так нравится благотворителям и благодетельницам.

Однако надо было заговорить с этими неожиданными гостями, и Василий Александрович заговорил.

– Что вам угодно? – спросил он тем канцелярски-вежливым тоном, который он считал образцом нежности в сношениях с клиентами общества.

– Мне почти что ничего! – отвечал странный старик, улыбаясь глазами, – а вот этому мальчику надо бы помочь.

– Вы его отец?

– Нет...

– Родственник?

– По Христу!..

– Ггмм... Странное родство... Он ваш приемный?

– Приемный.

Секретарь взглянул на «милостивых государынь», лукаво прищурил глаза, словно бы говоря: «Вот отчаянный лгун!» – и обратился к мальчику:

– Как тебя зовут?

– Сенькой.

– Есть у тебя отец?

– Не знаю.

– А мать?

– Не знаю.

– Кого же ты знаешь?

– Дедушку знаю.

– Кто ж твой дедушка?

– А вот!

Мальчик улыбнулся, оскалив ряд белых зубов, и показал пальцем на старика. Старик ласково ему усмехнулся.

– Давно ты его знаешь?

– Давно...

– Чем занимаешься?

Мальчик не понимал.

– Что делаешь?

– Все делаю, когда дрова есть – печку топлю, дедушке помогаю...

– Ваше звание? – обратился секретарь к старику.

Тот вынул из кармана засаленную бумагу и подал секретарю.

Василий Александрович прочел бумагу, пожал плечами и с осторожной брезгливостью положил ее перед почтенной председательницей. Та в свою очередь пожалала плечами, потрясла седыми буклями и передала дальше. Осторожно, словно боясь чумной заразы, дотрогивались до этой бумаги ручки «милостивых государынь» и затем торопились сбывать, проводив ее вздохом или пожатием плеч.

– До чего дошел!

– Как пал!

– Ужасно!

Такие восклицания в виде шепота вырвались из груди многих «милостивых госуда-

рынь».

– У вас есть рекомендация? – снова спросил секретарь.

– Нет.

Василий Александрович обвел собрание взором сожаления, что у него нет рекомендации.

«У него нет рекомендации!» – отвечали взгляды в ответ.

«У него нет рекомендации!» – безмолвно сказали все лица и личики.

– И вид у него скверный! – тихо шепнула председательница.

– Пьяница!.. – еще тише отвечал секретарь. – А мальчик, верно, взят напрокат!

Дело старика, видимо, было проиграно. Он это понял и вдруг стал угрюм.

– Так вы говорите, что у вас нет рекомендации?

– Никакой.

– Даже никакой? Это очень жаль! Судя по вашим бумагам (секретарь встает и брезгливо отдает назад бумагу), вы человек не без образования и поймете, следовательно, что цели нашего общества не позволяют удовлетво-

рить вашей просьбе.

Старик слушал эту речь с каким-то угрюмым вниманием, но когда секретарь кончил, он опустил голову и как-то весь съежился. Глаза его спрятались в темных ямах, и из груди вылетел надтреснутый голос, произнесший тихо:

– Но ведь я не за себя... За мальчика!

– За мальчика? – переспросил секретарь и пошел на свое место.

Несколько секунд недоумения.

– Имеем ли мы право? – тихо шепчет секретарь.

– Имеем ли мы право? – также тихо шепчет почтенная председательница, строго покачивая буклями.

«Имеем ли мы право?» – спрашивают сами себя все «милостивые государыни».

– К сожалению, мы не имеем права! – решает сперва лицо секретаря, потом жест, а затем и тихий шепот.

– К сожалению, мы не имеем права! – говорит по-французски председательница.

«Мы не имеем права!» – отвечают лица «милостивых государынь», и все они обраща-

ют внимание на мальчика, помочь которому они не имеют права.

А мальчик смотрит зоркими карими глазенками на блестящее собрание и – вообразите себе! – не только не ищет права разжалобить сердца «милостивых государынь», а, напротив, словно бы ищет права назваться самым невежливым, дерзким мальчуганом, когда-либо обращавшимся за помощью. Он весело смеется и шепчет что-то своему угрюмому товарищу, указывая пальцем прямо на лицо почтенной председательницы. Его заинтересовали седые букли, и он сообщает свои наблюдения вполголоса, нисколько не стесняясь местом, в котором он находится. Очевидно, четырнадцать градусов по Реомюру привели его в игривое настроение, и он, несмотря на знаки старого товарища, продолжает весело хихикать...

Эта веселость окончательно сгубила мальчика. «Милостивые государыни» находят, что перед ними испорченный мальчик. (Секретарь давно уже это нашел.) Они совершенно забывают, что у многих из них есть дети, и помнят только, что перед ними всклокочен-

ный, грязный мальчишка, с бойкими глазенками между впалых щек и дерзким смехом.

– К сожалению... мы не имеем права помочь и мальчику!.. – говорит секретарь.

– Без рекомендации? – иронически подсказывает старик.

– Да-с! – резко заметил секретарь и, как бы говорит взглядом: «Можете теперь убираться если не к черту, то, во всяком случае, на улицу, где восемнадцать с половиной градусов мороза».

Старик резко дергает мальчугана за руку, делает несколько шагов, затем останавливается и говорит:

– Милостивые государыни!.. Я вас прошу (голос его становится глуше, и на испитом лице сказывается большое страдание)... я вас прошу... Помогите мальчику... У него нет пристанища. У него нет одежды... Помогите мальчику!

Все вдруг притихли. Всем вдруг стало как-то совестно. Притих и мальчик. Он не смеется, а испуганно смотрит на своего товарища. В его испуганном взгляде и страх и любовь.

– Дедушка, что с тобой?.. Что ты? – говорит

он, заглядывая на него снизу...

Многие полезли в карманы. Девушка с английской складкой и добрым сердцем давно сидела на своем кресле, точно на угольях. При последних словах она вскакивает с места, роняет кресло, конфузится, подходит к мальчику и сует ему маленькое портмоне.

Старик сперва ни слова не говорит, потом, будто спохватившись, шепчет:

– Будьте спокойны, сударыня... Его денег я не пропью... Будьте спокойны, сударыня!..

Он благодарит теплым, ласковым взглядом девушку и уходит из зала.

– Ваш адрес... адрес ваш! – конфузливо шепчет девушка.

Но ответа нет. Старик уж скрылся.

Белокурая девушка возвращается на свое кресло, краснея, как пион, с нависшими слезами на глазах. Все на нее смотрят, как на выскочку, и находят, что она очень «смешная».

После этого эпизода прошло несколько минут, пока заседание не пошло своим порядком. Опять ставились вопросы, разрешались и заносились в протоколы. В пять часов заседание было окончено. «Милостивые госуда-

рыни» поболтали и разъехались.

Елена Николаевна, довольная, оставалась еще несколько времени в зале. Было решено, что она завтра поедет с секретарем для посещения истинно бедных и нравственных людей. Она была рада посетить бедных и покетничать с Василием Александровичем.

«Я надена черное шерстяное платье. И скромно и хорошо!» – подумала молоденькая женщина, уходя в госстиную.

И Василий Александрович ехал обедать довольный. Благодаря «Обществу для помощи истинно бедным и нравственным людям» он поправил свои служебные делишки и теперь рассчитывал на завтрашнее посещение бедных, на свои голубые глаза, мягкий голос и расположение Красногор-Ряжской. «Она думает, что я влюблен, и, конечно, заставит мужа надеть мундир и попросить за меня... истинно бедного и нравственного человека!» – улыбался Василий Александрович, плотнее кутаясь в бобровый воротник.

IV

Успев «вырвать зло с корнем» из того ведомства, где служил «строптивый столоначальник», и отправить бедного провинциального Мазаниелло туда, где даже настоящий никогда не бывал, господин Красногор-Ряжский вошел в гостиную в самом отворотительном расположении духа.

– Наболтались? – спросил он.

– Неужели вы не можете говорить, не оскорбляя меня?

Елена Николаевна делает мину Э 9 – глубоко оскорбленной невинности. Слезы нависают на ресницах. Грудь несколько подымается. Страдание напечатано на ее милом личике.

Господин Красногор-Ряжский начинает совет. Елена Николаевна, несмотря на страдание, видит это и, усиливая Э 9, нечаянно обнажает локоть.

Господин Красногор-Ряжский советует еще более.

– Лена... Леночка!.. – робко произносит его превосходительство.

Ни звука в ответ.

– Леночка!.. – совсем нежно начал господин Красногор-Ряжский и поперхнулся... – Леночка! Ведь я... вы там что хотите говорите, но мне не нравится секретарь.

Елена Николаевна открывает глаза, и муж усматривает в них такое море изумления, что наконец изумляется сам.

– Ты, Лена, что так смотришь?

– Я?..

Картина меняется. Страдание исчезает. Елена Николаевна хохочет как ребенок, хохочет весело, мило, заразительно.

Муж хлопает глазами.

– Так ты, Никс, ревновать?.. Ха-ха-ха... Глупый мой! К секретарю?.. Ха-ха-ха!..

Хохот был так заразителен, что даже сам Никс не выдержал, захохотал, как дурак, и прижал супругу к своей высохшей груди.

В тот же вечер «строптивный столоначальник» был возвращен к своему семейству. Он не был исключен из службы, как предлагал докладчик, а получил только выговор с замечанием, чтобы впредь, и так далее.

– А я было думал, Леночка, ха-ха-ха!.. – весело говорил солидный Никс, ужиная вдвоем с

Леночкой. – Я было думал...

– А ты, Никс, не думай!..

И Елена Николаевна шаловливо зажала мужу рот своей ладонью и посмотрела на него тем чудным взглядом (Э 1), каким она смотрела на него только двадцатого числа или накануне какой-нибудь замышляемой женской шалости.

1880

лирическим (*ит.*)

[^^^]

исповедь (фр.)

[^^^]

дорогая Елена... (фр.)

[^^^]

4

пальто (*англ.* palmerston)

[^^^]

плащами (*исп.* almaviva)

[^^^]